

УДК.72.03.

Искандаров М.М. – старший преподаватель

E-mail: iskandarovm@gmail.com

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес организации: 420043, Россия, г. Казань, ул. Зеленая, д. 1

Михайлов А.Ю. – кандидат исторических наук, доцент

E-mail: arunion@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес организации: 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Советский неоклассицизм 1930-1950-х гг.: проблема трансформации традиции российской классической архитектуры XVIII-XX веков

Аннотация

Статья посвящена анализу развития советского неоклассицизма 1930-1950-х гг. на основе исследовательской рамки «традиция – новация». Сопоставляются три этапа в эволюции российского классицизма: «просвещенного» классицизма (1760-1820-х гг.), неоклассицизма (1910-х гг.) и советского неоклассицизма (1930-1950-х гг.) – на предмет преемственности и отрицания (традиции и новации) как в архитектурном, так и в общекультурном плане.

Ключевые слова: советский неоклассицизм, «просвещенный» классицизм, неоклассицизм, традиция, новация, архитектурные принципы, культурные принципы классицизма.

Советский неоклассицизм 1930-1950-х гг. рождался как преодоление конструктивистских экспериментов 1920-х гг. В своем формулировании он базировался на трехвековой традиции существования классицизма, ставшего уже национальным.

Трехсотлетнее существование классицизма в России можно осмыслить в ракурсе рецепции глобальных и складывании в нем определенных национальных традиций. В современном социогуманитарном тезаурусе содержание понятия «традиция», говоря терминами М. Фуко, является «рассеянным» [17]. Оно определяется от процесса передачи чего-либо без каких-либо изменений, трансляции опыта до полного неприятия прогресса [2; 3; 10; 12; 15, с. 9-29].

Как показывает истории бытования классицизма в России как архитектурного стиля и в целом историко-культурной парадигмы, определенные новации в классицизме учитывались, приживались и через какое-то время уже транслировались как традиция. При этом нужно иметь в виду, что Россия уже восприняла «классическое» (архитектурное) наследие в его европейской «палладианской» интерпретации [4].

Под термином «традиция» понимается совокупность неких принципов, устойчиво существующих определенное время и начинающих определять реальность и последующие эпохи. В этом смысле понятие традиция тождественно «архиву» – термину из арсенала современного социогуманитарного знания (М. Фуко) – как определения «того, что может быть сказано после» (архива, традиции) [17]. При этом возможна определенная корректировка и дополнение, естественно, без изменения сущности.

Формулируя исследовательскую рамку «традиций классицизма», имея предметом изучения «советский неоклассицизм», идентичный определению «советская архитектура» 1930-1950-х гг., в понятийном аспекте следует уточнить, о чем идет речь, как в общекультурном плане, так и в плоскости архитектурных стилей. Скорее всего, что и в том и другом плане следует именовать данный этап именно «неоклассицизмом». Ибо масштабность событий, попытки интеллектуального экспорта и осмысление периода, как прогрессивного, «взрывного», революционного отождествляет его с типичным неоклассицизмом – периодом французской революции. Современными авторами подмечено, что нередко российская революция 1917 г. и постреволюционное время осмыслились через параллели и категории французской революции [11].

С архитектурной стороны – налицо преемственность с дореволюционным неоклассицизмом. Она творилась теми же авторами, теми же архитекторами, которые мыслили в категориях масштабного перепланирования Петербурга еще в позднеимперское время (И. Фомин, И. Жолтовский, В. Шуко). Здесь можно говорить даже не о «второй волне классицизма» [6, с. 343], а о реанимации, восстановлении после конструктивистских экспериментов первой советской архитектурной утопии, того самого неоклассицизма начала XX в.

Многоплановость советской архитектуры 1930-50-х гг. изначально задавалась возрождением основных тенденций в неоклассической архитектуре начала XX в. – «русской классической» (И.А. Фомин, творчество в рамках моделей московского, русского классицизма начала XIX в.) и «ренессансной» (возрожденческой, И.А. Жолтовский («палладианский ракурс» направления), В.А. Шуко), а также формирующейся эклектической (А.А. Щусев – ранее творивший в «неорусском» модерном стиле).

В этом ракурсе возникает вопрос об историчности неоклассицизма как архитектурного стиля? Насколько он описывал национальное, оригинальное в культуре России как начала XX в., так и в советском проекте 1930-50-х гг.? Например, «мирискусники» полагали, что в двухвековой период империи классицизм в России стал настолько узнаваемым, родным, национальным, что мог выступать в качестве национального стиля, так как сам российский классицизм стал чем-то оригинальным для Европы.

Вот как описывает эту точку зрения историк архитектуры А.В. Иконников: «Последовательно развиваемая, эта мысль (что «Empire» стал «русским», «московским» – М.И.), переросла в убеждение, что классицизм в России стал стилем не менее национальным, не менее русским, чем архитектура допетровского времени, и может претендовать на выражение национального менталитета и воплощения национального варианта эстетической утопии с правом даже большим, чем «неорусский стиль» [8, с. 154].

Наиболее удачная трактовка понятия «традиции» в архитектуре, в российской архитектурной науке, на наш взгляд, была предложена А.В. Иконниковым в его работе, посвященной изучению тысячелетнего опыта русской архитектуры [7, с. 5]. В ней он определяет термин традиция в соответствии с уровнем развития позднесоветской гуманитарной науки (1990).

Он говорит, что «традиция необходима и для того, чтобы формы, которые использует архитектура, постепенно складывались в систему художественного языка, которая бытует в обществе и служит выражению его идей (как язык архитектурных ордеров античности, например)» [7, с. 5.].

Главный результат для традиции в последующие эпохи, по его мнению, – это выработка профессионального критерия. «Традицией закрепляются критерии, позволяющие уверенно отличить хорошее от плохого. Благодаря существованию таких критериев в период расцвета больших исторических стилей относительно ровный уровень качества архитектуры распространялся на столицы и провинцию, на уникальное и обыденное, на все, что составляет предметно-пространственную среду общества», – пишет он [7, с.5.].

В своей обобщающей работе по истории российской архитектуры, этот авторитетный архитектор-исследователь разработал 12 тезисов, в которых он пытался обобщить тысячелетний опыт российской архитектуры на предмет рефлексии «русского», «национального» в архитектуре России [7, с. 368-371].

Многие его формулировки о том, что «преемственность в архитектуре осуществлялась через традиции, но и сами традиции были подвижны, отражая исторические судьбы народа, изменения в его культуре или общественной психологии» [7, с. 368] или «преемственность принимала различные формы» [7, с. 368], тождественны утверждениям данного исследования.

По-видимому, использование советской властью неоклассицизма как исторического, национального стиля объясняется следующими причинами:

1) вневременное, ориентированное на вечность, выраженное в архитектурной классике, содержание классицизма. Для Страны Советов с ее установкой на масштабность и эпичность в реализации социальных утопий и глобализованность это подходило;

2) неоклассицизм как порождение общеевропейское был не настолько производным от прежнего (имперского) режима, как, например, национальный «русский стиль» во всех его проявлениях;

3) неоклассицизм соответствовал одной из прогрессивных эпох человечества, которой нужно подражать, – периоду Великой французской революции конца XVIII – начала XIX вв.

Принципы классицизма, составившие традицию на российском материале, можно условно разделить на собственно *архитектурные* и *общекультурные* (которые относятся к классицизму как культурной эпохе в целом, а не только как к художественному, архитектурному стилю).

К *архитектурным принципам* относятся следующие:

1) *ордерная система формообразования*, состоящая из пяти ордеров (дорического, ионического, коринфского, композитного и тосканского), которая была систематизирована А. Палладио в XVI в. «Палладианство» как второе, уточняющее название архитектурного классицизма в Европе и России определяется той знаковой ролью А. Палладио в осмыслении, систематизации и популяризации античной архаической традиции [4];

2) *геометричность*, что подразумевает симметричность, лаконичность (отказ от линий и складок барокко);

3) *иерархичность в композиции и градостроительстве* (выделение более и менее важных частей, акцентировалось и декорировалось то, что считалось важным и воспринималось (второй «хозяйский» этаж, фасад, выходящий на основную улицу);

4) *тектоничность* (визуально выраженная статичность, в облике здания читается устойчивость);

5) *завершенность* (здание или ансамбль не предполагали дальнейшего развития, модификацию);

6) *категоричность, однозначность как в семантике архитектурных образов* (добро/зло, цивилизация/варварство) и декоре, так и в артикуляции пространства; отсутствие гибридности, маргинальности (городское/частное);

7) *объективность* (взвешенность, отстраненность, лишенность поверхностных авторских черт, оперирование сложившейся ордерной системой, художественная качественность достигалась за счет максимально упрощенного арсенала выразительных средств).

Общекультурные принципы классицизма как культурно-исторической эпохи, отраженные в архитектуре, состоят из:

1) *просветительского, дидактического характера архитектуры*, который был востребован в контексте воспитания качественно новой личности в идеальном, геометричном, лаконичном пространстве.

Неслучайно, искусствовед И. Грабарь зрелый классицизм эпохи Екатерины II называет «просвещенным стилем» [5], так как он нес идеологическую программу, более отрефлексированную и концентрированную, чем, скажем, барокко. Дидактизм питерской неоклассики начала XX в. должен был, по мнению «мирискусников», возродить и утвердить «модерные» рефлексии классицизма в эпоху утилитаризма и функционализма. Классицизм эпохи И.В. Сталина также идеологически подкреплял и художественно описывал очередной просветительский проект – создание идеального советского общества и человека.

2) *открытия феномена индивидуальности, детства в эпоху Нового Времени*, в купе с *категоричностью и дидактичностью классицизма* предопределили жесткое разведение публичного и частного пространства, что привело к формированию и культивированию частной, приватной, усадебной, городской (*квартирной*) культуры.

В классицизме XVIII-XIX вв. – это формирование усадебной культуры, в неоклассицизме начала XX в. – превращение утилитарной квартиры доходного дома в роскошные, городские резиденции, в классицизме 1930-1950-х гг. – это реанимация приватности и частного пространства в планировке после коллективистских экспериментов конструктивизма 1920-х гг.

Особенно эти тенденции усилились в середине 1930-х гг. с их установкой на возрождение традиционных ценностей (семьи, индивидуальности, запрет аборт и др.).

3) следования классическим образцам, трансляции классического наследия (европейская, греко-римская античность, растворенная в древневосточной архаике и обогащенная синкретизмом эллинизма, X в. до н.э. – V в.), из которого в разные периоды расцвета классицизма актуализировались разные эпохи. То есть определенные нюансы имелись, но при сохранении общего вектора.

Для классицизма XVIII-XIX вв. – это классическая Греция, поздняя Римская республика и ранний имперский Рим (эпоха принципата) с акцентом на античную и восточную архаику (Александровский классицизм) и зрелую Римскую империю (ампир), зачастую осуществлялось это в интерпретации европейских авторитетов (А. Палладио).

Неоклассицизм начала XX в., существовавший параллельно с Art Nouveau, апеллировал как к эллинизму, отчасти Византии, так и к европейским и российским образцам XVII-XIX вв. Одной из важных характеристик неоклассицизма является эмоциональное осмысление как идеалов античности, так и российской и европейской истории. Происходило это в психологической и культурной ситуации «серебряного века», когда были преодолены тенденции функционализма и эклектики (позитивизм XIX вв.), наивная вера в рационализм (свойственная классицизму XVIII в.). «Предреволюционный неоклассицизм выработал свой вариант утопического мышления – его ретроспективистские утопии обращали жизненные реалии в театрализованную и эстетизированную игру (имитация «дворянских гнезд» у И.А. Фомина и А.А. Белогруда)», – определяет А.В. Иконников [8, с. 299.].

Советский неоклассицизм 1930-1950-х гг., который местами также имеет эмоциональную окраску, подходил к выбору идеальных эпох, отбору классики с жестко идеологических позиций. Отбиралось то, что считалось прогрессивным, то есть те эпохи, в которые осуществлялся определенный сдвиг в формационном развитии (классическая Греция, неоклассицизм французской революции и др.), послевоенный пафос победы описывался через соотнесение уже с российским ампиrom первой половины XIX в.

4) глобалистского, универсалистского характера классицизма, который определил вектор на масштабность, гипертрофию, порой циклопичность зданий и ансамблей [16].

Так, классицизм XVIII-XIX вв. сменился ампиrom, в неоклассицизме начала XX в. явно прослеживается гипертрофированный масштаб, реализованный в гигантомахии доходных домов Петроградской стороны [7, с. 201-409]. Разномасштабный стиль 1930-40-х гг. (от палатцо И.А. Жолтовского до коттеджей) трансформировался в ампирный стиль московских высоток, московского проспекта Петербурга и канала Волга-Дон.

Масштабность, гипертрофия и ориентированность на вечность часто были синонимами нереализуемости проектов. Усваивая европейское исходное прошлое (с утопиями, нереализованными проектами Н. Леду и Д.Б. Пиранези), Россия демонстрировала утопические проекты «Нового акрополя» по перестройке Московского кремля (и большого Кремлевского дворца В. Баженова) или же неоклассические варианты Храма Христа Спасителя (храм разума и созерцания).

Неоклассицизм XX столетия продолжил эти тенденции. Если предреволюционный его этап запомнился нереализованными проектами перестройки Петербурга («Новый Петербург»), застройки острова Голодай (И. Фомин, В.А. Шуко), то советский, ориентированный на «интернациональную общность новой культуры» [7, с. 361.], нескончаемыми конкурсами, проводимыми будто для проверки вкусов и «бумажной архитектуры» (Дворец Советов, 1931-1933; Дворец культуры в Казани, 1934-1935 и др., здания Наркомтяжа, Ленинского института и др.) [20, с. 42-101].

В целом, можно констатировать, что источником советского неоклассицизма 1930-1950-х гг. была российская классическая традиция – творческое осмысление и развитие российского классицизма, к началу XX в. воспринимавшегося уже как национальное явление.

Будучи частью российского культурного ландшафта 1930-х гг. он аккумулировал и дополнил в соответствии с духом времени (обновил) достижения российской классической традиции, не изменив их сути. Трансформация была осуществлена по органичному сценарию в соответствии с традицией. Преодолев горизонтальные, конструктивистские эксперименты, советский неоклассицизм 1930-1950-х гг. продолжил выстраиваться по правилам и практикам классического дискурса в архитектуре, закрепляя и утверждая

традицию. Исходя из этого, можно утверждать, что он являлся последним цельным этапом в развитии российской культуры, соотносящим себя с традицией. Показательно, что осуществлялось это в эпоху торжества модернизма и авангарда, как конкурирующих художественных стилей в описании изменяющейся реальности XX века.

Список литературы

1. Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. – М.: Ком Книга, 2010. – 496 с.
2. Борисова Е., Стернин Г. Русский неоклассицизм. – М.: Галарт, 2002. – 288 с.
3. Вильковский М. Социология архитектуры. – М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с.
4. Вундрам М. Палладио, 1508-1580. Законы гармонии. – М., 2009. – 95 с.
5. Даниэль С.М. Европейский классицизм. Эпоха Пуссена. Эпоха Давида. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 304 с.
6. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 1: В 2 т. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 655 с.
7. Иконников А.В. Тысяча лет истории русской архитектуры. Развитие традиций. – М.: Искусство, 1990. – 384 с.
8. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура: социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. – М.: Архитектура-С, 2004. – 399 с.
9. Кириков Б.М. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века. Эклектика. Модерн. Неоклассицизм. – СПб.: Коло, 2006. – 448 с.
10. Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. – М.: Совпадение, 2000. – 416 с.
11. Малышева С.Ю. Советская праздничная культура провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). – Казань: Рутен, 2005. – 400 с.
12. Нащокина М.В. Античное наследие в русской архитектуре николаевского времени: Его изучение и творческая интерпретация. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 616 с.
13. Паперный В. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 383 с.
14. Рябушин А.В. Гуманизм советской архитектуры. – М.: Строиздат, 1986. – 376 с.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. – 336 с.
16. Сдвижков Д. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares: роль трансферов в истории российской империи, 1700-1917. – М., 2010. – С. 67-104.
17. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.
18. Хан-Магомедов О.С. «Сталинский ампиризм»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления. – М., 2010. – С. 10-24.
19. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – 709 с.
20. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 304 с.

Iskandarov M.M. – senior lecturer

E-mail: iskandarovm@gmail.com

Kazan State University of Architecture and Engineering

The organization address: 420043, Russia, Kazan, Zelenaya st., 1

Mikhailov A.Y. – candidate of historical sciences, associate professor

E-mail: apunion@mail.ru

Kazan (Volga region) Federal University

The organization address: 420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

The Soviet Neoclassicism of 1930-1950's: the problems of transformation tradition of Russian classical architecture of XVIII-XX centuries

Resume

This article studies the phenomenon of Soviet neoclassicism as an organic part of the classical tradition in the Russian architecture. It focuses on the study of the sources of its formation. Specially, for this research created category of «tradition». At the same time shows using of this framework in architectural science (A.V. Ikonnikov, V.G. Lisowski, M.V. Nashokina). In the three hundred year history of classicism in Russia, XVIII-XX centuries were identified three stages of actualization of this phenomenon – the «enlightened» Classicism (1760-1820's.), Neoclassicism – Empire (1910's.) and Soviet neoclassicism (1930-1950's).

They analyzed in the frame work of «tradition/innovation» for continuity and renewal of tradition. The analysis in this regard was conducted on two levels: classicism considered as an architectural style (change in the principles of architecture) and classicism as a cultural-historical paradigm, distinguished general cultural principles that have influenced architecture. In the end, concluded that the Soviet neoclassicism is the organic development of the Russian classical tradition in architecture in a qualitatively new conditions.

Key words: soviet neoclassicism, the «enlightened» classicism, neo-classicism, tradition, innovation, architectural principles, the cultural principles of classicism.

References

1. Architecture of the Stalin era. Experience of historical understanding / Compiler and editor. Y.L. Kosenkova. – M.: Dom Knigi, 2010. – 496 p.
2. Borisova E., Sternin G., The Russian neoclassicism. – M.: Galart, 2002. – 288 p.
3. Vilkovsky M.A. Sociology of architecture. – M.: Found «Russian Avant-garde», 2010. – 592 p.
4. Vundram M. Palladio, 1508-1580. Laws of harmony. – M., 2009. – 95 p.
5. Daniel S. European classicism. Epoch Poussin. The era of David. – St. Petersburg: ABC-Classic, 2003. – 304 p.
6. Ikonnikov A.V. Architecture of XX century. Utopia and Reality. Vol.1: In 2. – M.: Progress-Tradition, 2001. – 655 p.
7. Ikonnikov A.V. A thousand years of the history of Russian architecture. Development of traditions. – M.: Art, 1990. – 384 p.
8. Ikonnikov A.V. Utopian thinking and architecture: social, philosophical and ideological trends in architecture. – M.: Architecture-C, 2004. – 399 p.
9. Kirikov B.M. The architecture of St. Petersburg late XIX – early XX century. Eclecticism. Modern. Neoclassicism. – St. Petersburg: Colo, 2006. – 448 p.
10. Lisowski V.G. «National Style» in architecture in Russia. – M.: Match, 2000. – 416 p.
11. Malysheva S.Yu. Soviet holiday culture of province: space, symbols, historical myths (1917-1927). – Kazan: Ruthen, 2005. – 400 p.
12. Nashokina M.V. Ancient heritage in the Russian architecture of Nicholas of time: its study and creative interpretation. – M.: Progress-Tradition, 2011. – 616 p.
13. Paperny V. Culture Two. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. – 383 p.
14. Ryabushin A.V. Humanism of Soviet architecture. – M.: Stroizdat, 1986. – 376 p.
15. Savelyeva I.M., Poletaev A.V. Classical heritage. – M.: Izdateistvo GU: VshE, 2010. – 336 p.
16. Sdvizhkov D. Empire in Napoleonic dress: the perception of French neoclassicism in the Russian Empire // Imperium inter pares: the role of transfer in the history of the Russian Empire, 1700-1917. – M., 2010. – P. 67-104.
17. Foucault M., Archaeology of knowledge. – Kiev: Nike Center, 1996. – 207 p.
18. Khan-Magomedov O.S. «Stalin's Empire»: Challenges, trends and master // Architecture of the Stalin era. Experience of historical understanding. – M., 2010. – P. 10-24.
19. Khan-Magomedov, S.O. Soviet avant-garde architecture. Problems of formation. Master and flow. – M.: Stroizdat, 1996. – 709 p.
20. Khmel'nitsky D. Aarchitector Stalin. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 304 p.